

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУФИЙСКОГО СМЫСЛА В ГАЗЕЛЯХ АЛИШЕРА НАВОИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕЛЕЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО СОДЕРЖАНИЯ)

Каромат Ташходжаевна МУЛЛАХОДЖАЕВА

Кандидат филологических наук, доцент
Кафедра истории узбекской литературы и фольклора
Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы
им. Алишера Навои, Ташкент, Узбекистан

АЛИШЕР НАВОИЙ ҒАЗАЛЛАРИДА ТАСАВВУФИЙ МАЪНОНИНГ БАДИИЙ ТАЛҚИНИ ХУСУСИДА (ОРИФОНА ҒАЗАЛЛАР МИСОЛИДА)

Каромат Ташхўжаевна МУЛЛАХЎЖАЕВА

Филология фанлар номзоди, доцент
Ўзбек адабиёти тарихи ва фольклор кафедраси
Алишер Навоий номидаги Тошкент давлат ўзбек тили ва адабиёти университети
Тошкент, Ўзбекистон

ON THE ARTISTIC INTERPRETATION OF SUFI MEANING IN ALISHER NAVOI'S GHAZALS (ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL GHAZALS)

Karomat Tashhodjaevna MULLAKHODJAEVA

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Faculty of History of Uzbek Literature and Folklore
Alisher Navoi Tashkent State Uzbek Language and Literature University
Tashkent, Uzbekistan kmullahodjayeva@gmail.com

UDC (УЎК, УДК): 82-1/29: 821.512.133: 801.73

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования): Муллаходжаева К.Т. О художественной интерпретации суфийского смысла в газелях Алишера Навои (на примере газелей просветительского содержания) // Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2020. — № 3(32). — С.288—297.

<https://doi.org/10.36078/1597147633>

Received: May 29, 2020

Accepted: July 19, 2020

Published: July 20, 2020

Copyright © 2020 by author(s) and Scientific Research Publishing Inc.
This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация. В газелях Алишера Навои важное место занимает тема просветительства. По этой проблеме у поэта имеются свои собственные представления, ибо для поэта творчество — это, по сути, исследование духовно-нравственного мира человека, понимание его предназначения в этом мире.

Автор статьи уделяет особое внимание идеальной художественную степень освещения в просветительских газелях поэта важных тем и вопросов о восприятии мира, его сущности — мимолетность мира, понимание и объяснение его значения и ценности, о старании не поддаться ему, его обману, об обуздании страсти, о самопознании и самоотречении, о достижении цели посредством этого, о преодолении невежества, пробуждении от косности, незнания, о принятии статуса богоугодного человека. Просветительские идеи поэта в этих газелях исследуются в гармонии с вопросами, являющимися важными также и в суфизме, в том числе, связывая их с проблемой совершенного человека.

Ключевые слова: газель; ариф; просвещение; образование; суфизм; образ; поэтическая фигура; познание Всевышнего; самопознание.

Аннотация. Алишер Навоийнинг ғазалларида ирфоний мазмун муҳим ўрин тутди. Бу борада шоирнинг ўз эътирофлари ҳам мавжуд. Чунки шоир учун ижод, аслида, инсоннинг руҳоний

оламини тафтиш этиш, унинг бу дунёдаги вазифасини англаб этишдир.

Шоирнинг орифона ғазалларида дунё, унинг моҳияти — ўткинчилиги, кадр-қимматининг нечоғли эканлигини англаш ҳамда англантиш, унга берилиб, алданиб қолмаслик, нафси енгиш, ўзликни англаш, ўша анланган ўзликдан халос бўлиш ва шу орқали мақсадга эришиш, жаҳолатни енгиш, ғафлат уйқусидан уйғониш, факру фано мақомини эгаллаш каби муҳим мавзу-масалалар бадий мукамал даражада ёритиб берилганлигига мақола муаллифи эътиборни қаратади, бу ғазаллардаги ирфоний ғояларни тасаввуф таълимотида ҳам муҳим ҳисобланган масалалар билан уйғунликда, жумладан, комил инсон муаммоси билан боғлаб тадқиқ этади.

Калит сўзлар: ғазал; ориф; маърифат; ирфон; тасаввуф; образ; бадий санъат; Ҳақни таниш; ўзликни англаш.

Abstract. Irfan (enlightenment) content plays an important role in Alisher Navoi's ghazals. The poet has his own confessions in this regard. Because for the poet, creation is, in fact, an examination of the spiritual world of man, an understanding of his duty in this world. The author of the article pays attention to the absolute artistic degree of important themes and issues elucidation in Irfan (enlightenment) ghazals of the poet: about comprehension of the world, its essence, its transiency, understanding and elucidation of its importance and value, not to yield to the temptation, to its deception, about curb passions, self-knowledge and self-denial, ignorance overcoming, revival from stagnation and lack of knowledge, adoption of the pious person status. Also the enlightenment ideas of the poet in these ghazals are explored in conjunction with issues that are also considered important in Sufism, as well in connection with the problem of a perfect man.

Keywords: ghazal; knowing; enlightenment; education; Sufism; image; poetic figure; cognition of the God (the Almighty); self-knowledge.

Вступление. Творчество Алишера Навои, в особенности его газели являются доказательством того, что посредством художественного творчества и его элементов можно выразить любое значение. Именно глубокое проникновение Алишера Навои в социокультурную и литературную жизнь народов Востока, в том числе персидско-таджикского и тюркского народов, переплетенное с имеющей глубокие корни философией суфизма, призывает к серьезному изучению содержания газелей поэта. Следует исследовать не только образ или примененную поэтическую фигуру, но и не оставлять без внимания символы, изучать не только поверхностное содержание, но и глубинное содержание — духовное.

Если, с одной стороны, содержание просветительских газелей поэта способствует совершенству человека и связано с общественным просвещением, то есть с совершенствованием человека в обществе, то, с другой стороны, это — художественное выражение желаний смиренной души, которая познает себя и отрекается от мирских страстей. В просветительских газелях, в которых теоретические вопросы суфизма являются главными, а также доминирует метод наставления и обращения к другому лицу, утверждается никчемность материального бытия, принципиальное равенство любого события, необходимость стремления к совершенству.

Сам Алишер Навои говорит в предисловии к дивану “Бадоеъ ул-бидоя” («Редкости начала»), что в каждом диване есть газель о просвещении, в каждой газели есть ассимилированная просветительская тема и если бы он не включал их, его труд был бы бесполезным и испытанные мучения были бы напрасными. Итак, для поэта целью его творчества является просвещение.

Если одна часть просветительских газелей Навои связана с философией жизни, то есть базируется на общественно-политических, философских и назидательных идеях, то вторая часть просветительских газелей и бейтов вобрала в себя смысл и содержание суфизма. Подобно тому, как в просветительских газелях, переплетенных с философией суфизма, можно найти содержание, в котором выражена философия жизни, так и в газелях, где доминируют мудрые изречения, можно встретить бейты о суфизме. Так как «просветительский суфизм — это учение, охватывающее все науки, включая сокровенный смысл и философию» (5, 47).

Основная часть. Просветительские газели (газели, имеющие просветительское содержание) — это размышления Навои, высказанные о самом возвышенном: об Аллахе, об отношениях мира и человека, их единстве, о бессмертии человеческого духа, и украшены они просветительскими знаниями о вечной жизни. В них отражены пути достижения Божественной Истины, способы преодоления трудностей в достижении этой цели. Большой спектр вопросов рассматривается в просветительских газелях. Кажущиеся разными, они переплетены друг с другом. Средство, которое связывает их, — это вопрос совершенства человека.

Просветительские газели учат человека способам достижения уровня совершенства — необходимо пройти через темные и светлые завесы, открыть и понять в самом себе божественные качества. Круг проблем и вопросов, освещаемых в этой серии газелей, очень широк. Они включают среди прочего понимание сущности мира, то есть его мимолетности, его бесполезности, старание не поддаться ему и не быть обманутым; обуздание страсти, смелость убить жажду страсти; самопознание и избавление от самого себя самопознанного и тем самым достижение цели; преодоление невежества, пробуждение от косности; нищенствование, вступление на путь бедности, принятие этого статуса, предпочтение его; признание равенства имущих и неимущих людей; в сущности верховенство нищего над правителем, то есть осознание сущностного равенства событий — всё это средства очищения души (подготовка зеркала для проявления Божественной Истины).

Основной образ в просветительских газелях — это *ариф* (просвещенный). Он является одним из средств для выражения самых высоких мыслей, возвышенных идей поэта.

В одной строке с образом арифа можно встретить использование таких терминов, как *факр* (бедный), *дервиш*, *гадо* (нищий), *абдол* (юродивый), но среди них самый высокий статус придается *арифу*.

Поэт-просветитель, который воспринимает мир и бытие сквозь призму души, не только выражает свои мысли в форме наставлений и нравочучений, но и выражает свое настроение через различные художественные образы, символические выражения и

поэтические фигуры и образы, интерпретирует свои мысли в сочетании со своими представлениями о философии суфизма. Исследование этих взглядов поэта как с художественной, так и с идеологической точек зрения позволяет нам изучать, с одной стороны, эстетический мир поэта, его художественные особенности, с другой стороны, — его философские взгляды. Просветительские газели отличаются своей темой, стилем, образами, даже примененной поэтической фигурой. Такие образы и понятия, как *фано* (бренность), *сущность человека*, *душа*, *страсть/искушение*, *вечность*, *ариф* и другие наряду с тем, что занимает важное место в газелях этого рода, также служат важным «ключом» для понимания этих газелей.

Как было отмечено, одной из главных тем, выраженных в просветительских газелях, являются суфийско-философские мысли о преходимости, кратковременности, никчемности бытия и мира. Некоторые газели поэта полностью посвящены именно этому вопросу. В частности, тот, кто знает Истину и знает ее в совершенстве, обладая божественным просветлением, обеспечивает надежное выражение мыслей поэта и этих вопросов языком просвещения. В просветительских газелях, в том числе в приведенной ниже газели, поэт при помощи наставления объясняет, за чем должен следовать человек просвещенный и как он должен жить, чтобы достичь своей цели:

*Эй кўнгул, ер-кўк асосин асру бебунёд бил,
Ул кесакни сувда кўр, бу сафҳани барбод бил.*

О душа, основы мироздания в чем, познай,
Взгляни в воде на эту глину и разрушение познай.

Поэт начинает мысль с того, что ни одна из материальных вещей не вечна, обращаясь в этом случае к душе. На первый взгляд, обращение к душе кажется условно-традиционным, таким как обращение к утреннему ветерку, виночерпию. Но понимание Истины верующими, которые вступили на путь единения с ней, все больше основывается на душе. Через душу, через эмоциональное познание они достигают своей цели, потому что «ум не в силах постичь божественность. Наука богословия — это непостижимая наука, которая выходит за пределы разума ...» (5, 38). Такие понятия, как земля и небо выбраны в этом бейте, который написан с целью объяснить, что нет вечного существа и вечного предмета, отличного от истины. Нетрудно представить скоротечность человеческой жизни, недолговечность окружающей действительности. Человеческий разум, который может представить, что земля и небо существовали до него и будут существовать после него, может даже и не думать об их конце. Вот почему поэт стремится объяснить смерть через эти огромные тела, а именно: «Знай, что вещи, из которых состоят земля и небо (мир), не вечны, что земля, сделанная из глины, может раствориться в воде, и что небо может исчезнуть». И ещё по-другому: “*Жаҳонни бир кесак англа, ҳавоси гарди бало*” — «Примите мир как глину, воздух — это пылинка несчастья» (3, 51), — писал Навои. Не вечны ни земля, ни небеса — как выражение религиозно-суфийского смысла:

*Жисм уйи чунким эрур фоний, тафовут йўқ, ани
Гар фано селобидин вайрону гар обод бил.*

Ничто не вечно в этом мире: земля и небо — преходяще все,
Ничто не устоит перед потоком исчезновения.

Газель начинается с применения приёма *нидо* — поэтической фигуры (*О, душа...*), и в каждом бейте газели используется приём *амр и нахий* данной поэтической фигуры (с помощью слова *бил*). Все материальные элементы разрушатся в пучине смерти. Потому что вечность присуща только Аллаху, материальный мир, созданный Им, не вечен. Поэт обращает внимание верующего, вступающего на путь тариката (путь суфия в суфийском учении), объясняя природу событий, на то, что их значение постепенно будет исчезать:

*Тўрт унсур қайдидин то чиқмагайсен, нафъ эмас
Осмоний тўрт дафтарни тутайким ёд бил.*

Пока не освободишься ты от оков четырех элементов,
Не будет тебе пользы от знания священных писаний.

В этих строках упоминаются четыре элемента: огонь, вода, воздух и земля, которые составляют человеческое тело и основу мироздания. Четыре небесные тетради — это священные книги, ниспосланные человечеству Богом: Тора, Псалтырь, Библия и Священный Коран. В бейте использован красивый прием с помощью поэтических фигур *таносуб* и *тазод*: четыре элемента и четыре священные книги — материальность и божественность. Следовательно, можно объяснить бейт следующим образом: «Если ты не можешь освободить себя от четырех элементов, т.е. от материальных оков, то нет и пользы от знания всех священных книг». Потому что все связано с душой, с ее действиями. Человек, предавшийся материальному миру — светской жизни, пусть даже обладающий большими знаниями, превращается в раба этого преходящего мира.

В глазах человека, который понимает суть этого мира, становится ясно, что он ничего не стоит. Поэтому он понимает необходимость отказаться от мира, его целей (не самоубийством, конечно). Среди просветительских газелей многие посвящены этой теме, и они также важны для понимания вопроса о совершенстве. Рассмотрим 223 газель (в переводе С. Иванова) из дивана “Ғаройиб ус-сифар” («Чудеса детства»). Приведем текст этой газели, а затем прокомментируем ее содержание по двустрочиям.

Дары мирской тщеты оставь, утрата их — пустяк, не боле,
Цени за благо жизни явь — дар мимолетных благ, не боле.
Жилье построив, звать гостей хозяину — чудное дело:
Он сам ведь гость лишь на пять дней, этот чудной чудак, не боле.
Кичиться силой — похвальба, ничтожная пред жалом смерти,
Она, как жала мух, слаба, и мощь ее никак не боле.
Вступи в чертог небытия: пусть шейхи ханаккой кичатся,
Как торг у скупщиков старья торговля этих скряг, не боле.

Наряд твой золотом расшит, но он не лучше желтой бязи,
 Для умного смешон твой вид — потешной спеси знак, не боле.
 Пусть солнцем твой венец цветет, а трон твой — словно небо
 ведай:

Пойдет и солнце на заход, а в небе станет мрак, не боле.
 Прекрасно, если властелин внимает помыслам подвластных:
 Ведь стаду пастырь — он один, в отаре он — вожак, не боле.
 Да быть всегда Балькис женой в дворце высот благоправленья,
 Сатурн при ней — лишь страж ночной, хранящий дом-очаг, не
 боле.

*Дахр судидин тамаъ узким, зиёне беш эмас,
 Умрни тутқил ганиматким, замоне беш эмас.*

Дары мирской тщеты ставь, утрата их — пустяк, не боле,
 Цени за благо жизни явь — дар мимолетных благ, не боле.

Интерпретация этого бейта в прозе звучит так: «Оставь надежду и не предавайся утехам этого мира. Это не причинит тебе вреда, знай, что жизнь твоя временна, она пройдет очень быстро».

И в этой газели использованы приём *амр* и *наҳий* поэтической фигуры *иншо*, и это объясняется нравоучительной особенностью просветительских газелей. «В общем, в суфийской литературе преобладает интонация нравоучения, наставления и назидания. Это естественно, потому что шейхи воспитывали своих мюридов посредством назидательных бесед...» (5, 162).

Выше мы частично остановились на необходимости не обращать внимания в газелях ни на что, кроме Аллаха в суфизме. Есть много аятов и хадисов, созвучных этой теме, которые считаются важными принципами этого пути и составляют основу просветительских газелей. В частности: *И поминай имя Господа твоего и устремись к Нему всем устремлением* (6, 73:8) или: *Разукрашена людям любовь страстей: к женщинам и детям, и нагроможденным кинтарам золота и серебра, и мечным коням, и скоту, и посевам. Это — пользование ближайшей жизни, а у Аллаха — хорошее пристанище!* (6, 3:14).

Созвучная требованиям суфизма эта газель напоминает слова, произнесенные Газзали: «Отречение — это добровольный отказ от мира, без всякого сожаления об этом».

Свои мысли о том, что не надо предаваться утехам мирской жизни, поэт продолжает в следующих строках:

*Уй бино айлаб ажабдур элни меҳмон айламак,
 Улки бу уй ичра беш кун меҳмоне беш эмас.*

Жилье построив, звать гостей хозяину — чудное дело:
 Он сам ведь гость лишь на пять дней, этот чудной чудак, не боле.

Это очень трогательный бейт, который означает, что люди, которые сами являются гостями этого пятидневного мира, строят дом и ожидают гостя, намекает на признак благочестия. Есть также истории о некоторых благочестивых людях, которые решили не утруждать себя строительством дома в этом пятидневном мире и провели жизнь в шалашах. В этом бейте, который объясняет мимолетность человеческой жизни, используя

понятие *гостя*, можно увидеть, что само слово стало основой искусства повторения (поэтическая фигура *такрир*). Кроме того, слово *беш*, использованное дважды во второй строке, имеет два смысла и сформировало поэтическую фигуру *таджниса* (*беш* — это число 5 и *беш* — ‘больше’). Использованный в газели редиф *беш эмас* («не боле») также уникален. В каждом бейте этот редиф выступает в своем особом, уникальном значении. Как и в других газелях этой группы, выражая истину суфизма, поэт искусно использует поэтическую фигуру *тазад*:

*Кўй тавонолиқ сўзин, ёд эт ажсал хоринки, тил
Паишшалар ниши қошинда нотавоне беш эмас.*

Кичиться силой — похвальба, ничтожная пред жалом смерти,
Она, как жала мух, слаба, и мощь ее никак не боле.

«Не говори слов о богатстве и силе, помни о смертельных шипах. Даже слон, такой большой и сильный, беспомощен перед жалом мухи».

В этом бейте поэт, гармонично используя поэтические фигуры *тазад* и *тамсил*, приводит образы слона и мухи и указывает на то, что есть конец человеческой жизни и не следует забывать это. Независимо от того, насколько могуществен человек, его слабость перед лицом смерти укрепляет его веру в то, что есть кто-то сильнее, чем он сам. Целью этого является продолжение в следующем бейте Навои, где используется поэтическая фигура *тадриж*, характерная для многих просветительских газелей:

*Кир фано дайридаким, ҳар шайху юз савдо анга,
Улки отин хонақоҳ кўймиши, дўконе беш эмас.*

Вступи в чертог небытия: пусть шейхи ханакой кичатся,
Как торг у скупщиков старья, торговля этих скряг, не боле.

В этом бейте используется соотношение символов и понятий, таких как *посвящение себя богу*, *шейх*, *ханака*. «Войди в обитель тех, кто посвятил себя богу, поверил во временность существования, там у каждого шейха сотни забот, беспокойство, и название этому ханака, что ничем не отличается от торговой лавки», — в этом бейте поэтом используется взаимосвязь и переносное значение понятий *савдо*, *дўкон* (*торговля*, *лавка*), и мы видим, как поэт объясняет беспокойство, которое возникло у шейха от пришедших к нему верующих. *Савдо* (*забота/беспокойство*) является воплощением этих вопросов и ответов. Следует отметить, что действия, выполняемые в каждой комнате, очень сложны. Это зависит не только от знаний шейха или намерения простолюдина. Обе стороны достигают своих намерений, особенно простолюдин должен пройти через трудности и лишения. Если этого не происходит, то *ханака* — не более чем лавка. В более широком смысле ханака похожа на лавку в этом преходящем мире. Ибо ханака, являясь странноприимным местом, где воспитывают суфиев, по внешнему виду это всего лишь светское событие. В этом бейте поэт описывает состояние ханака и образ жизни в ней через поэтические фигуры *взаимосвязи*

и сравнения. Следующий бейт:

*Эйким, ўлмиш хилъатинг зарбафт, бори билким, ул
Маъни аҳлин кулдурурга заъфароне беш эмас.*

Наряд твой золотом расшит, но он не лучше желтой бязи,
Для умного смешон твой вид — потешной спеси знак, не боле.

Поэт продолжает свою мысль, обращаясь к человеку, который предан миру и его богатствам, противопоставляя ему людей просвещенных (ученых), т. е. твой золотошвейный, дорогостоящий халат не что иное, как вещь, которая смешит людей просвещенных. Для тех, кто находится на пути к истинной цели, для тех, кто понимает Истину, демонстрация человеком внешнего великолепия кажется ничем иным, как глупостью. В таких газелях, присущих просветительскому суфизму, Навои не забывает выражать свои поучительные мысли, гармонирующие с жизнью человека, жизнью общества:

*Шаҳға иш эл фикрини қилмоқдур улким, зеб ким?
Бир сурук қўйдур руоё, ул шўбоне беш эмас.*

Прекрасно, если властелин внимает помыслам подвластных:
Ведь стаду пастырь — он один, в отаре он — вожак, не боле.

Нет прекрасней деятельности правителя, как забота о своем народе, аллегорически народ — это стадо овец, а правитель — это пастух, и, применяя здесь эту традиционную аналогию, поэт утверждает, что правление столь же мимолетно, как и сам мир. Настоящий правитель — это Аллах. Перед ним все явления и все люди по сути равны: и правитель, и дервиш.

Изучение восхвалений просветительских газелей позволяет нам познакомиться с мыслями Навои о просвещении, духовным миром и настроением поэта, соотносящимися с суфизмом:

*Гар Навоий истади оворалиг, эй аҳли хуш,
Гам еманг девонайи бехонумоне беш эмас.*

То есть: «О, праведные, если Навои хочет себя утруждать таким образом, не печальтесь вы, потому что он тоже не лучше скитающихся чудаков».

Заключение. Таким образом, хотя определенная часть газелей Алишера Навои является просветительскими газелями, почти во всех газелях, как отмечал сам поэт, выражено просветительское содержание. Основной фокус газелей этой группы — это мир, его сущность — его мимолетность, понимание и объяснение его значения и ценностей, желание не поддаться ему, его обману, эти газели об обуздании страсти, о познании самого себя и отречении от самого себя, о достижении цели посредством этого, о преодолении невежества, пробуждении от косности, о принятии статуса богоугодного человека. И воплощены в идеальной художественной форме.

Просветительские газели также можно условно разделить на группы: газели на тему общественного просвещения и божественного просвещения. В газелях первой группы

совершенство человека постигается в гармонии с жизнью общества, в то время как в газелях божественного просвещения важное место занимают такие проблемы, как достижение совершенства, трудности в постижении суфизма и попытки решить их.

В этих газелях поэт использует широкий спектр художественных средств, таких как *ариф* и его *возлюбленный*, *дервиш*, *ниций (факр)*, *бренный мир*, *искатель жемчуга*, *жемчужина*, *бренность*, *вечность* и соответственно использует поэтические фигуры *иншо*, *тазод*, *талмех*, *тамсил*, *ташбих*.

Из-за превосходства мысли и приоритета пропаганды конкретной идеи в данной группе газелей использование образов и символов, поэтических фигур и изобразительных средств создали собственные художественно-методологические особенности. В целом, в просветительских газелях ощущается преобладание мысли, потому что распространяются определенные взгляды и идеи. Это в свою очередь создало возможность широко использовать в бейтах разнообразные формы поэтических фигур, а именно *таносуб*, *тамсил*, *тазод*, *ташбих* и приёмы *амр* и *наҳий* поэтической фигуры *иншо* (приёмы *амр* и *наҳий* поэтической фигуры *иншо* связаны с написанием просветительских газелей в основном в виде обращений). Исследование газелей этой группы имеет важное значение для понимания общественно-нравственных, самое главное, философских взглядов Навои и в то же время литературного мира поэта.

Использованная литература

1. Алишер Навоий. Йигирма жилдлик. 1-жилд. — Тошкент: Фан, 1987. — 724 б.
2. Алишер Навоий. Йигирма жилдлик. 3-жилд. — Тошкент: Фан, 1988. — 616 б.
3. Алишер Навоий. Йигирма жилдлик. 4-жилд. — Тошкент: Фан, 1989. — 560 б.
4. Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. — Москва: Наука, 1965. — 524 с.
5. Комилов Н. Тасаввуф. Биринчи китоб. — Тошкент: Ёзувчи, 1996. — 272 б.
6. Коран. Перевод академика И.Ю. Крачковского. — Москва: Совместное советско-иорданское предприятие “Дом Бируни”, 1990. — 512 с.
7. Хусайний Атоуллох. Бадоеъ ус-санойиъ. — Тошкент: Адабиёт ва санъат, 1981. — 400 б.
8. Шамс ад-дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. свод правил персидской поэзии. Часть II. О науке рифмы и критики поэзии. Перевод с персидского Н.Ю. Чалисовой. — Москва: Издательская фирма “Восточная литература”, 1997. — 472 с.
9. <https://rustih.ru/alisher-navoi-sokrovishhnica-myslej/>

References

1. Alisher Navoi., *Twenty volumes. Volume 1.* Tashkent: Science, 1987. 724 p.
2. Alisher Navoi., *Twenty volumes. Volume 3.* Tashkent: Science, 1988. 616 p.
3. Alisher Navoi., *Twenty volumes. Volume 4.* Tashkent: Science, 1989. 560 p.

4. Bertel's E. E. *Sufizm i sufiiskaya literatura* (Sufism and Sufi literature), Moscow: Science, 1965. 524 p
5. Komilov N., *Tasavvuf. Birinchi kitob* (Tasavvuf, The first book), Tashkent: Writer 1996. 272 p.
6. *Koran. Perevod akademika I.Yu. Krachkovskogo* (Quran. Translated by academician I. Y. Krachkovsky), Moscow: Joint Soviet-Jordanian enterprise, House of Biruni, 1990. 512 p.
7. Husainii Atoulloh, *Badoe" us-sanoii"*, Tashkent: literature and art, 1981. 400 b.
8. Shams ad-din Mukhammad ibn Kais ar-Razi., *Svod pravil persidskoi poezii. Chast' II. O nauke rifmy i kritiki poezii. Perevod s persidskogo N.Yu. Chalisovoi.* (A set of rules for Persian poetry. Part II. On the science of rhyme and criticism of poetry. Translated from the Persian by N. Y. Chalisova. Moscow: Eastern literature, 1997, 472 p.
9. <https://rustih.ru/alisher-navoi-sokrovishhnica-myslej/>